

Одним из наиболее интересных событий завершившегося XXIV кинофестиваля «Послание к Человеку» был, конечно, приезд Томаса Остермайера и показ фильма «Гамлет в Палестине», снятого в соавторстве с Николя Клоцем.

Остермайер — один из самых известных европейских режиссеров, руководитель берлинского театра «Шаубюне» (петербургская публика знает его по спектаклям «Смерть в енеции» и «Фрёкен Жюли», показанным у нас за последний год). Свой первый документальный фильм он снял после того, как убили его друга из Палестины, актера, режиссера, политического активиста Джулиано Мер-Хамиса. При чем здесь «Гамлет»? о-первых, свою версию шекспировской пьесы режиссер привозил в Палестину еще при жизни Мер-Хамиса. о-вторых, по просьбе друга Остермайер провел с палестинскими артистами мастер-класс по разбору этой трагедии. Эти кадры вошли в фильм. Но, конечно, палестинские события связаны с «трагедией всех трагедий» на куда более глубоком и тонком уровне. Об этом Томас ОСТЕРМАЙЕР рассказал корреспонденту « П».

«ДЫШИ В СУРОВОВОМ МИРЕ, ЧТОБЫ МОЮ ПОВЕДАТЬ ПОВЕСТЬ»

ЗАЧЕМ ТОМАС ОСТЕРМАЙЕР СНЯЛ «ГАМЛЕТА В ПАЛЕСТИНЕ»

«МОЕГО ДРУГА ЗАСТРЕЛИЛИ В МАШИНЕ СРЕДИ БЕЛА ДНЯ»

— ы приезжали в Палестину со своим спектаклем «Гамлет» еще до того, как убили вашего друга Джулиано Мер-Хамиса. Какое впечатление произвела на вас, жителя Германии, страна со столь строгими мусульманскими порядками?

— Наверное, начать эту историю надо с того, что берлинский театр «Шаубюне», которым я руковожу, проводит свой фестиваль. И мы хотели привезти спектакли из того региона, искали контакты. Так завязалось наше знакомство с театральным миром Палестины. Джулиано был одним из его лучших представителей. Он также был активистом, выступавшим за автономность Палестины.

После смерти матери, тоже посвятившей себя театру, Джулиано основал «Freedom Theatre». Он занимался с детьми в оккупированной стране, чтобы оторвать их от насилия, фанатизма, показать им совершенно иную реальность, другой вариант будущего. И его убили в 2011 году. Застрелили в машине среди бела дня.

Если говорить о моем восприятии Палестины, то происходящее в этой стране для меня, конечно, трагедия. Об истоках ее конфликта с Израилем я могу говорить очень долго. Мне кажется, нельзя принимать ни одну из сторон. Нельзя сказать, что я разделяю убеждения палестинцев. У меня есть друзья в обеих воюющих странах. О ситуации в том регионе очень мало говорят, особенно в Германии. Мы боимся узнать правду. Поэтому я не собираюсь показывать этот фильм у себя на родине. Пейзаж наших СМИ слишком банален, чтобы его принять.

— Как театральные режиссеры вы используете кинокамеру в своих спектаклях давно и регулярно. После «Гамлета в Палестине» ваше представление о средствах театра и кино изменилось?

— Прежде всего, я не называю «Гамлета в Палестине» фильмом в строгом смысле слова. Я, конечно, не претендую, чтобы эта работа стала частью истории кино. Это не попытка начать карьеру в кинематографе (хотя у меня есть планы снять

художественный фильм). Причина фильма — моя личная боль, чувство утраты. И ощущение, что надо действовать. «Гамлет в Палестине» — это зарисовка, попытка документально выразить то, что я пережил, запечатлеть свое путешествие в Рамаллу. Я захотел отправиться туда, где убили моего друга, и задать вопросы тем, кто его окружал.

Я пригласил с собой в поездку французского режиссера Николя Клоца, который выступил в роли оператора. Это он снимал, выбирал ракурсы, я же стал неким ведущим. Как режиссер я работал над фильмом на стадии монтажа.

В общем, форма в этом фильме не главное. Мы с Николя не думали о картинке, не разрабатывали сценарий. Да мы и не

вы идентифицировали себя с Гамлетом, который расследует убийство близкого человека, пытаясь вычислить убийцу?

— Да, я хотел провести расследование, я строил мышеловку — подобно Гамлету, который хочет понять, убийца ли Клавдий. Я надеялся узнать правду, надеялся, что кто-то себя выдаст. Но моя мышеловка оказалось неудачной. С другой стороны, Гамлет — это Джулиано, который сам пытался ответить на бытийные вопросы, найти виновного в трагедии его страны.

Но в этом фильме я скорее осознаю себя Горацио. Помните, у Шекспира в финале Горацио берет кубок с ядом, чтобы выпить. Но Гамлет останавливает его: «Дыши в суровом мире, чтобы мою поведавать повесть».

— своих спектаклях вы поднимаете острые социальные, политические проблемы. Обратившись к документальному кино, почувствовали ли вы, что оно более эффективно для реализации этого?

— Безусловно, документальное кино — очень мощное средство, чтобы привлечь внимание общества на какие-то современные проблемы. Меня

в самом деле можно назвать социально настроенным режиссером, а таких среди моего поколения, я считаю, мало.

«НЕ НАДО СМЕШИВАТЬ КУЛЬТУРУ С ПОЛИТИКОЙ»

— Знаете ли вы, что после вашей в некотором роде социальной акции активисты устроили свою акцию — со свиной головой? Я имею в виду ваше обращение в поддержку сексуальных меньшинств после спектакля «Смерть в енеции», показанного в Петербурге?

— Я не мог не выступить со сцены с этими словами. Я не знал, что это снимут на пленку и выложат в Интернет. Но в итоге даже хорошо, что все узнали мое мнение, которым я не мог не поделиться.

— начале октября вы привезете в

Москву свой берлинский спектакль « раг народа». пьесе Ибсена главный герой борется за правду: хочет, чтобы сограждане узнали о загрязненных источниках воды в их курортном городке. За что боролись вы, ставя спектакль? Что есть для вас эти источники?

— Самое интересное, что эту метафору можно понимать по-разному. С «Врагом народа» нас приглашают в разные города со словами: «Это произведение точно отражает политическую ситуацию в нашей стране. Вся система построена так, что в ней не осталось места для правды». Мы уже побывали в Италии, Греции, Франции, Аргентине, до Москвы съездим в Лондон. Очень жду, когда мы привезем «Врага народа» в Москву и увидим, что будет. Ведь спектакль нельзя понимать абстрактно, он каждый раз от соприкосновения с разной публикой раскрывается по-разному.

— Спасибо, что приехали в Петербург. Сегодня международные фестивали страдают оттого, что ваши зарубежные коллеги отказываются приезжать в Россию. ы убеждены, что не надо смешивать культурные отношения с политическими?

— Конечно не надо. Очень важно, чтобы существовала культурная связь между Россией и Европой, Россией и Германией. Нужно сделать все возможное, чтобы сохранить этот хрупкий мостик между нашими странами. Такое ощущение, что все остальные связи уже оборвались, и это трагедия. С помощью искусства, театра мы можем снова встать на путь гуманизма. Нельзя мыслить стереотипами: этот русский, этот украинец. Нас убеждают, что в России все одинаковы, вас — что все европейцы одинаковы. Но все люди разные, и не каждый согласен со своим правительством. Я, например, не совсем разделяю мнение своего правительства.

Я очень ценю возможность визита сюда. Приятно, что моим творчеством так интересуются в России. Здесь у меня немало друзей, с которыми я работаю: Кирилл Серебренников, Алексей Учитель, Евгений Миронов, Чулпан Хаматова и другие.

Беседовал Евгений АВРАМЕНКО
Фото Натальи ЧАЙКИ

— Безусловно, документальное кино — очень мощное средство, чтобы привлечь внимание общества на какие-то современные проблемы. Меня в самом деле можно назвать социально настроенным режиссером, а таких среди моего поколения, я считаю, мало.

могли заранее его разработать: мы ведь не знали, что произойдет с нами в этой поездке в Палестину. Мы искали ответы на вопросы: где правда, а где ложь, кто друзья, а кто враги, почему «подгнило что-то в датском государстве». Фильм построен как загадка.

Мы взяли немало интервью. Очень интересным собеседником оказался один из лидеров повстанческого движения. Мы снимали его в тюрьме, где он сидел по обвинению в терроризме, и сняли его на камеру, хотя не имели разрешения это делать. Мы порой снимали даже на айфон, и зрителям это видно.

Каждый из тех, кто дает интервью, рассказывает какую-то свою версию. И каждый зритель может по-своему интерпретировать историю в целом.

— Логичен вопрос: создавая фильм,